

ПУТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

26-28

июня в музее Ахматовой в Петербурге состоялись третьи международные «Ахматовские чтения» — как и предыдущие, они были приурочены ко дню ее рождения. Организаторы признались, что торопились провести их в этом году из опасения, что наплыв вековых юбилеев в 1999 г. (Пушкин, Набоков) не даст отметить 110 лет со дня рождения Ахматовой.

Материалы конференции предполагается издать, поэтому ограничимся самыми краткими характеристиками, сосредоточившись скорее на прениях и кулуарах — на том, что хуже всего отражается в печатных материалах. К сожалению, автору этой хроники удалось услышать не все доклады, и среди пропущенных были весьма интересные, например, «Лишь голос мой поет в моих стихах». О переводе «Марион Делорм». По материалам архива М.Л.Лозинского и И.Платоновой-Лозинской, «Иконография Ахматовой: Трудные случаи атрибуции и описания» Ю.Молока, «Анна Ахматова в фотообъективе Н.Н.Пунина» А.Каминской и другие иконографические и текстологические доклады.

Открыл конференцию приехавший из Иерусалима Р.Тименчик глобальным — как говорили в советское время, установочным — докладом «Перспективы ахматоведения». Все докладчики охотно повторяли его слова о том, что наступил новый этап ахматоведения.

Главная перемена заключается в том, что сейчас известно и собрано практически все, написанное Ахматовой (разумеется, находки еще возможны, но основной корпус уже можно обзреть), — с этим утверждением не согласился только библиофил А.Луценко (см. ниже). Докладчик, действительно, очертил основные проблемы и приемы исследования и комментирования текстов Ахматовой в разных контекстах (один неожиданный пример: изучение Ахматовой истории русского права отразилось в раннем стихотворении «Завещание Василька»).

Оживленную реакцию вызвала в сущности проходная фраза: «Ни о каком академическом собрании сочинений Ахматовой не приходится говорить, пока не проделана такая-то и такая-то работа». На что, полностью игнорируя «условный» модус этого высказывания, решительно возразил М.Эльзон, сообщив, что академическое собрание уже делается («может быть, в Ершалаиме этого не знают»). Возражение было тут же опровергнуто: Н.Королева сообщила, что издание, которое готовилось в Институте мировой литературы, «заморожено» по инициативе самих исполнителей. Этому был посвящен ее собственный доклад «К вопросу о текстологии и судьбе академического издания», прочитанный на второй день. Суть его сводилась к тому, что текстология Ахматовой очень трудна («последняя авторская воля» и т.п.), поэтому академического собрания не будет, сама же докладчица тем временем выпускает паллиативное собрание в 7 томах (при некотором сопротивлении ИМЛИ, считающего себя собственником сделанной работы). Странно звучала мысль о том, что в «массовом» издании можно высказывать такие гипотезы (в комментариях), которые невозможны в собрании академическом. Казалось бы, прямо наоборот: в массовом издании должны быть общепринятые результаты или по крайней мере те, в которых издатель уверен. И что такое вообще «массовое» собрание в 7 томах, претендующее на полноту (туда вошли даже напечатанные по газетной публикации неизвестные стихи, прочитанные А.Луценко на каком-то вечере и записанные на слух)? В последний день на «круглом столе» Н.Королева жаловалась на трудности комментирования («Записные книжки нам не прокомментировать», — Тименчик, который вел это заседание, спросил с председательского места: «А стихи — прокомментировать?») и звала всех, прежде всего председателя, писать комментарии для ее издания. Нетрудно понять, что приглашение было встречено без энтузиазма, а всё вместе внушило опасение, что мы получим еще одно ненадежное издание.

Очень интересную тему затронула О.Обухова в докладе «Анна Ахматова и философия русского неомодернизма: Некоторые параллели». Темы такого рода, естественные в идеологическом литературоведении, поначалу были почти запретны для нашего поколения, и, кажется, первым сумел перевести их из сферы идеологии в область интертекстуальности Л.Флейшман в работах о раннем Пастернаке. К сожалению, содержательные и ценные параллели в докладе рассматривались только чисто типологически, тогда как интереснее было бы перейти на уровень текстуальных совпадений и влияний. Особенно интересно проследить взаимовлияния между поэтами и философом у сверстника акмеистов Г.П.Федотова — соавтора Мандельштама по нескольким редактурам; в его работах конца 20-х гг. отчетливо слышны отголоски статей Мандельштама.

Хозяйка конференции (директор музея) Н.Попова в докладе «К проблеме многослойности ахматовского текста», вопреки ожиданию, анализировала не стихи, а рукописный контекст различных записей Ахматовой, записных книжек и т.п., где часто возникает эффект «палимпсеста» (именно это сравнение вызвало ряд возражений в прениях): чужие записи или обложка записной книжки вступают во взаимодей-

ствие с текстом Ахматовой (т.е. в буквальном, а не метафорическом смысле: «Я на твоём пишу черновике / И вот чужое слово проступает»).

Второй доклад А.Каминской «Семья Аренсов: Царское Село — Фонтанный дом» сочетал интересную фактологию с напряженным эмоциональным тоном (особенное впечатление произвели письма Пунина из эвакуации). Первый день завершился поездкой на кладбище в Комарово.

Во второй день отмечу выступление (сам он по американской привычке назвал его «разговором») Д.Бобышева «Гости двенадцатого удара в поэмах Блока, Кузмина и Ахматовой»

— не лишенное некоторых филологических неточностей, но интересное и тонкое; во всяком случае, тема представляется остроумной и плодотворной. Может быть, в перечне новогодних поэм не доставало «Новогоднего» Цветаевой.

И.Вербловская («Петербург Ахматовой: «И ненужным привеском болтался») сделала полезное сообщение о топографии Петербурга в биографии Ахматовой 20-30-х гг.

Третий день открылся докладом Тименчика «Записные книжки — единство контекста». В записных книжках, пока лишенных должного комментария, устанавливается взаимосвязь бытового, биографического ряда с набросками (и, соответственно, текстами) самой Ахматовой и других поэтов (чужой текст может быть редуцирован до названия книги, имени автора и т.п.). Примеры здесь приводить невозможно — отмечу, что запись про приезд Якобсона и разговор о Комаровском докладчик связал и со своим разговором с Ахматовой о Комаровском.

Информативными были доклады

Т.Никольской «Грузинские сестры Ахматовой» — о грузинских поэтессах, так или иначе ориентировавшихся на творчество Ахматовой или сопоставлявшихся с нею, и Л.Алексеевой «Материалы Ахматовой в Государственном Литературном музее». В.Баевский («Пусть когда-нибудь имя мое прочитают в учебнике дети») попытался осуществить этот императив и прочитал раздел об Ахматовой в написанном им школьном учебнике. Оживленное обсуждение показало, что проблема учебников вызывает неподдельный интерес.

Библиофил А.Луценко («Неизданная Ахматова») прочел неизвестные тексты, которые к началу конференции опубликовал (факсимильно) в библиофильском издании «Автограф», вып. 3 (стихотворение «Юдифь», упомянутое в дневнике К.И.Чуковского, третью строфу стих. «Это выжимки бессонниц» и начало к трехстишию «Оттого что мы все пойдем...»). Скептическая реакция побудила его выступить на «круглом столе», которым завершились чтения.

Уже на второй день чтений, когда читались текстологические доклады («Спорные вопросы текстологии» М.Кралина, доклад Н.Королевой и др.), начали проявляться некоторые подводные течения и неявные группировки, на «круглом столе» все это стало выходить наружу, и атмосферу освежил «бесенок скандала». Главными антагонистами стали М.Эльзон и М.Кралин: первый обвинил второго в фальсификации ахматовского трехстишия (напечатанного в изданном им двухтомнике), второй же попросту назвал оппонента козлом — впрочем, приписав эту характеристику третьему лицу, тоже специалисту по текстологии Ахматовой. Некоторые дамы были шокированы («В Фонтанном доме!..»), но напомним, что ровно в те же дни в Москве на так называемых «Баннх чтений» журнала «Новое литературное обозрение» дело закончилось подлинным мордобоем (там, правда, обвинения были связаны с деньгами, а не стихами, это на филологов, кажется, действует сильнее). Одна иностранная участница чтений заметила, что по сравнению с Цветаевскими конференциями в Москве здесь царил подлинное благолепие.

Тем не менее библиофил А. Луценко удрученно говорил об отсутствии дружеских чувств между литературоведами и обижался, что его публикации восприняты без должных восторгов и благодарности. Это неудивительно: на слух невозможно было поверить, что оглашаемые стихи принадлежат Ахматовой. Кулуарное мнение уже атрибутировало эти рукописи современному мистификатору (или скорее фальсификатору, так как докладчик заплатил за «автографы» немалые деньги). Все это, кажется, скоро станет достоянием гласности, поэтому пока воздержимся от более подробного изложения.

Все эти анекдотические подробности ни в коем случае не следует понимать как негативную оценку конференции. Конечно, комические эпизоды и доклады скорее запоминаются и писать о них веселее; конечно, на каждой конференции появлялись непрофессиональные докладчики (не говоря уже о сумасшедших); конечно, в исследовании поэзии XX века, с тех пор как оно перестало быть запретным и опасным, появилось множество дилетантов. Но это бич всех конференций, а на другом полюсе можно назвать ряд интересных и содержательных докладов и оценку, которую обычно получали слабые выступления, — полезную для слушателей, а иногда, хочется надеяться, и для докладчиков.

В целом «Ахматовские чтения» уже приобретают серьезный научный статус и репутацию и нужно поздравить с этим Фонтанный дом, который постепенно находит свое специфическое и значительное место и в изучении Ахматовой, и в жизни Петербурга.

ГЕОРГИЙ ЛЕВИНТОН

Санкт-Петербург

МУЗЕЙ АННЫ АХМАТОВОЙ
В ФОНТАННОМ ДОМЕ

АХМАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

26 - 28 ИЮНЯ 1998 ГОДА